

МАСТЕРСКАЯ ПРИЗВАНИЙ

КНИГА 1

13 историй о профессиях • 9–12 лет

ЕГОР КАЛЕВИН

Егор Калевин

Мастерская призваний, книга 1

«Автор»

2026

Калевин Е.

Мастерская призваний, книга 1 / Е. Калевин — «Автор», 2026

Тринадцать историй о профессиях и о том, как искать своё дело, — для детей 9–12 лет. Артём неделю не решается записаться в кружок робототехники: вдруг это на всю жизнь? От Василисы, будущего ветеринара, сбегает обыкновенный кот. Лев прячет от класса дедов аккордеон. Родион с шести лет собирается в лётчики и узнаёт, что боится высоты. Егор ждёт письма от знаменитого изобретателя, а настоящий наставник чинит часы в соседнем подъезде. Тихон стесняется «скучной» папиной работы в архиве — пока не увидит её своими глазами. В книге нет готовых ответов на вопрос «кем быть». Её герои пробуют, ошибаются, передумывают и убеждаются: попробовать не значит обязаться, неудача не отменяет мечту, а дорога к любимому делу редко бывает прямой. Первая книга серии «Мастерская призваний» поможет ребёнку спокойнее относиться к выбору, а родителям — начать разговор о будущем без давления.

© Калевин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Предисловие	6
Проба без обязательств	7
Кот, который не слушался	12
Тайный аккордеон	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Егор Калевин

Мастерская призваний, книга 1

Оглавление

[Проба без обязательств](#)
[Кот, который не слушался](#)
[Тайный аккордеон](#)
[Не та карта](#)
[Часовщик со двора](#)
[Торт с птицами](#)
[Не той дорогой](#)
[Один в поле не инженер](#)
[Бабушкины уроки](#)
[Смена курса](#)
[Скучных профессий не бывает](#)
[Профессия — помогать](#)
[Первый блин](#)

Предисловие

Привет, читатель!

Тебя уже спрашивали, кем ты станешь, когда вырастешь? Наверняка спрашивали. И наверняка ждали ответа сразу — одним словом, как в анкете.

В этой книге тринадцать историй о ребятах, у которых одного слова пока нет. Артём неделю боится записаться в кружок робототехники: вдруг это навсегда? Василиса мечтает лечить зверей, а от неё сбегает самый обыкновенный кот. Лев прячет от всего класса аккордеон. Родион с шести лет собирается в лётчики — и выясняет, что боится высоты.

Никто из них не выбирает профессию раз и навсегда. Они пробуют, ошибаются, передумывают и пробуют снова. Оказывается, так можно. И даже нужно.

Читай как удобно — по порядку или с той истории, которая зацепит первой.

Хорошего чтения!

Проба без обязательств

Объявление о наборе в кружок робототехники висело на стенде у столовой вторую неделю. Артём знал его наизусть — вплоть до самой мелкой строчки про сменную обувь. Наверху были нарисованы шестерёнки и механическая рука, хватающая кубик. От одного взгляда на эту руку у Артёма начинало покалывать в животе. Точно так же покалывало перед контрольной по математике, хотя контрольной тут и близко не пахло. Пахло котлетами из столовой.

— Записался? — Саша притормозил у стенда и ткнул пальцем в листок. — Я записался. Там из конструктора роботов собирают. Представляешь, руку такую, чтобы кубики хватала?

— Ещё думаю, — сказал Артём и постарался, чтобы вышло небрежно.

Думал он уже неделю. Без остановки. И дело было вовсе не в том, что робототехника ему не нравилась. Наоборот — нравилась слишком. Поэтому Артём и тормозил. Вписать своё имя в список — это ведь не разок прийти посмотреть. Это объявить всему свету: он, Артём, отныне будущий инженер, и дороги назад нет. А если через месяц выяснится, что пасть прохода скучно? Бросать на середине? Объяснять каждому, почему передумал? Ходить с клеймом человека, который «не довёл»?

Клеймо он представлял так живо, что за ужином не выдержал:

— Мам, я не знаю, идти в этот кружок или нет. Запишусь, а потом пойму, что не моё. Неудобно получится.

Мама отложила вилку и посмотрела на него с тем особым прищуром, с каким слушала его самые запутанные рассуждения.

— А кто тебе сказал, что записаться в кружок — это на всю жизнь?

— Ну как... — Артём погнал вилкой по тарелке одинокую макаронину. — Если записался, то вроде как уже выбрал. Инженером теперь быть.

— Артём, это кружок по вторникам после шестого урока. — Мама очень старалась не улыбнуться, но получалось так себе. — А не министерство внутри тебя, которое подписывает указ. Сходи, потому что интересно. А через месяц реши, что хочешь на керамику.

— И что тогда?

— Тогда пойдёшь на керамику. Никто не обидится и в розыск тебя не объявит.

— А если Саша скажет, что я бросил?

— А ты у Саши спроси, на скольких кружках он сам-то задержался.

Артём намотал макаронину на вилку и стал считать. В прошлом году Саша ровно две недели ходил на шахматы и бросил: там полагалось долго сидеть неподвижно, а этого Саша не умел в принципе. До шахмат было плавание — три занятия, потом ему надоел запах хлорки. А позапрошлым летом Саша клялся, что станет великим футболистом, и забыл про секцию, едва начались тренировки вместо обычной беготни с мячом во дворе.

И никто после всего этого не считал, что на Сашу нельзя положиться. Саша оставался Сашей. Человеком, который много чего пробовал.

— Ну, Саша — это Саша, — пробормотал Артём. — Ему вообще всё равно, что подумают.

— А может, это не так уж глупо, — заметила мама и вернулась к своей тарелке.

Ночью Артём долго ворочался. Одеяло сбилось в ком, подушка нагрелась с обеих сторон. Он попробовал представить себя инженером — в каске, с чертежом под мышкой. Получилось смешно: каска съезжала на нос. Попробовал представить себя человеком, который бросил кружок. Тоже получилось — и ничего страшного в этой картинке не нашлось. Человек как человек. Сидит, ест макароны. Страшное пряталось где-то между двумя картинками, и разглядеть его в темноте никак не удавалось.

На следующий день, на большой перемене, Артём всё-таки подошёл к стенду. Карандаш болтался на верёвочке, грифель был сточен наполовину — значит, записывались многие. Артём зажал карандаш в пальцах, вывел первую букву — и рука предательски замерла. Сейчас руководитель кружка глянет в список и спросит прямо: «Ты твёрдо решил стать инженером?» И что отвечать?

— Записываешься? — раздалось за спиной.

Артём вздрогнул так, что карандаш чиркнул по бумаге кривой чёрточкой. Позади стояла молодая женщина в очках. На связке ключей у неё покачивался брелок — крохотная шестерёнка. Марина Олеговна, руководитель кружка.

— Я... ещё не уверен, — выпалил Артём. Уши загорелись сразу оба. — А если я запишусь, а потом пойму, что не хочу быть инженером?

Марина Олеговна не рассмеялась. Только уголок губ едва заметно дрогнул. Она присела на подоконник рядом со стендом.

— Слушай. В прошлом году ко мне записалось пятнадцать человек. К весне осталось восемь.

— А остальные семь?

— Ушли. И ни один от этого хуже не стал. Поняли, что им интереснее другое, и пошли туда. Один мальчик вообще приходил два раза. Посмотрел, как паяют, сказал: «Интересно, но не моё» — и отправился в театральный.

— И это нормально? — недоверчиво переспросил Артём.

— Более чем. Знаешь, кем он стал за эти два занятия? Мальчиком, который точно знает, что паять — не его. Между прочим, полезное знание. — Она подвинула карандаш на верёвочке

поближе к Артёму. — А на первом занятии у нас ничего страшного. Собираем машинку на батарейке. Она едет вперёд. Всё.

— И больше ничего не надо?

— Ни клятв, ни контрактов, ни подписей кровью.

Артём подержал карандаш ещё секунду. Потом дописал имя — рядом с кривой чёрточкой, которую уже было не стереть. Сердце колотилось, но совсем не так тревожно, как он себе напредставлял.

Во вторник он пришёл на первое занятие. В рюкзаке лежали сменные кроссовки и полное, абсолютное отсутствие уверенности в собственном инженерном будущем. За длинным столом сидело человек десять. Саша помахал с дальнего края, где сосредоточенно прилаживал колесо не той стороной. На столах были разложены моторчики, батарейки, мотки цветных проводов и пластиковые колёса. Если верить Марине Олеговне, через час всё это должно было превратиться в машинку.

— Красный к плюсу, чёрный к минусу, — объясняла она, расхаживая между столами. Шестерёнка на ключах позвякивала в такт шагам. — Перепутаете — не страшно, машинка поедет назад. Иногда это даже удобнее.

— У тебя колесо задом наперёд, — сказал Артём Саше, усаживаясь рядом.

— А у тебя шнурок развязался, — не остался в долгу Саша и переставил колесо. — Гляди, какой моторчик. Он жужжит, если к уху поднести.

Артём поднёс. Моторчик молчал, потому что батарейку ещё не подключили. Но держать его в руке было приятно — маленький, тяжёленький, с двумя медными усиками.

Проводки оказались тонкие и норовили выскользнуть из пальцев. Артём высунул кончик языка и прикрутил сначала один, потом второй. Через полчаса он поймал себя на том, что ни разу не вспомнил, кем должен стать. Ему было интересно другое: как из двух проводов, моторчика и батарейки получается штука, которая едет.

Штука, правда, поехала не вперёд. Она бодро рванула назад, врезалась в ножку стола и перевернулась колёсами кверху. Провода он всё-таки перепутал. Но поехала же!

— Ну как, нравится? — Марина Олеговна остановилась у его стола и оглядела опрокинутую машинку. Колёса у той ещё крутились.

— Нравится, — честно сказал Артём и перевернул её обратно. — Но я пока не решил, инженер я или нет.

— И не решай. — Она подмигнула. — Лучше провода переставь.

Домой Артём шёл легко. С плеч словно сняли второй рюкзак — тот, что был набит не учебниками, а обязательствами, которые он сам себе навывдумывал. У подъезда его догнал Саша.

— Ты во вторник придёшь?

Артём пожал плечами.

— Не знаю ещё. Посмотрю.

И прибавил шагу: до вторника надо было успеть разобраться, как сделать, чтобы машинка умела ехать и назад, и вперёд.

Кот, который не слушался

Стать ветеринаром Василиса решила в семь лет. В тот день сосед принёс во двор хромого ежа, найденного у гаражей, и ёж фыркал на всех, кроме неё. С тех пор она пересмотрела все передачи про животных, какие сумела найти, и завела тетрадь с лапой на обложке. В тетради было записано много важного: кошкам нельзя шоколад, у черепахи даже зимой должна гореть специальная лампа, а собаку не гладят сразу по макушке — ей это не нравится. Своих животных у Василисы не водилось. В гости заходил только соседский кот Барсик, но Василиса не сомневалась: со зверями она на «ты».

Когда мама узнала, что городская ветеринарная клиника устраивает день открытых дверей для детей, Василиса не спала три ночи подряд. За эти три ночи она мысленно вылечила половину животных города. Тетрадь с лапой, конечно, поехала с ней.

В клинике пахло лекарствами и немножко мокрой шерстью. У входа группу встретила невысокая женщина в зелёном халате.

— Меня зовут Ольга Дмитриевна. Сегодня вы познакомитесь с нашими пациентами, — сказала она. — Правило одно. Животные — не игрушки. Они чувствуют, когда человек нервничает или спешит. Так что не торопитесь.

Василиса кивнула раньше всех. Это правило у неё тоже было записано.

Задание ей досталось самое лёгкое на свете: поддержать рыжего кота Персика, пока ему измеряют температуру. Персик сидел на смотровом столе, щурился на солнце из окна и походил на добродушный рыжий пирожок. «Да я Барсика сто раз на руках таскала», — подумала Василиса и уверенно, без всяких церемоний, потянулась к нему обеими руками.

Персик ответил молниеносно. Он выгнул спину дугой и зашипел так, что на полке звякнули пробирки. Потом вывернулся из-под её ладоней, спрыгнул со стола и в два прыжка забился под шкаф. Из темноты сверкнули два крайне возмущённых жёлтых глаза.

— Ой, — только и сказала Василиса. Руки так и остались висеть в воздухе.

За спиной тихонько хихикнули. «Напугала», — шепнул один мальчик другому. Щёки у Василисы вспыхнули, и жар тут же дополз до ушей.

— Ничего страшного, бывает, — спокойно сказала Ольга Дмитриевна.

Василиса её почти не слышала. В голове колотилась одна мысль, громкая и злая: не справилась. Не удержала кота. Обычного домашнего кота! А собиралась лечить, оперировать, выхаживать. Выходит, вся её мечта — детская глупость, и тетрадь с лапой тоже.

До конца занятия Василиса держалась у стены. Другие дети по очереди слушали в маленький стетоскоп, как стучит сердце у невозмутимого бассета. Кормили с ложечки волнистого попугая. Разглядывали рентгеновский снимок: внутри маленькой черепахи белел проглоченный камушек. Всё это было ужасно интересно — и ужасно не для человека, от которого сбежал кот. Персик тем временем вылез из-под шкафа и с достоинством умывался на подоконнике. Василиса старалась на него не смотреть. Тетрадь она так ни разу и не открыла.

— Иди послушай, — позвал её мальчик в полосатой кофте и протянул стетоскоп. — У него сердце как барабан.

— Я потом, — сказала Василиса.

Бассет поднял на неё грустные глаза с красными веками и вздохнул на всю комнату. Раньше она непременно записала бы: «Бассеты вздыхают, как люди». Теперь рука к тетради не пошла. Какой смысл записывать, если звери от тебя шарахаются?

Вечером, когда мама забрала её, Василиса молча залезла на заднее сиденье. Молчала, пока мама пристёгивалась. Молчала, пока заводился мотор. А потом не выдержала.

— Я не гожусь в ветеринары. — Глаза предательски защипало. — Я даже кота удержать не смогла. Он меня испугался. Значит, я вообще не умею с животными, и всё было зря.

Мама обернулась, но ответить не успела: в стекло негромко постучали. У машины стояла Ольга Дмитриевна — уже без халата, с сумкой через плечо. Мама опустила стекло, и Ольга Дмитриевна присела на корточки, чтобы оказаться с Василисой на одном уровне.

— Расстроилась из-за Персика?

Василиса кивнула. Говорить было опасно: можно разревётся.

— Знаешь, что смешно? — Ольга Дмитриевна улыбнулась. — В первую неделю моей работы этот самый Персик цапнул меня за палец. Я весь вечер проревела. Решила, что зря пошла в ветеринары. У меня же диплом, учебники — а меня кусает кот.

— И что вы сделали? — тихо спросила Василиса.

— Перестала на него набрасываться. — Она пожала плечами. — Ты потянулась к нему быстро и сразу двумя руками. Представь: идёшь по улице, а к тебе с разбегу кидается обниматься незнакомый человек.

— Я бы убежала.

— А Персик зашипел. Дело не в тебе. Вы просто не успели договориться. Хочешь попробовать ещё раз? Только по-другому.

Снова идти к Персику после такого позора было страшно. Василиса покосилась на двери клиники, потом на маму. Мама ничего не сказала, только выключила мотор. Внутри у Василисы что-то шевельнулось — любопытство оказалось самую малость сильнее страха.

— Хочу.

Через пять минут она стояла у того же стола. Только теперь без толпы и без хихиканья за спиной. Она, ветеринар и настороженный Персик — он снова убрался под шкаф, едва увидел, кто пришёл.

— Сядь рядом на корточки, — вполголоса сказала Ольга Дмитриевна. — Не трогай его. И в глаза не смотри: у кошек это вызов, а не дружба.

— А куда смотреть?

— Мимо. Как будто у тебя тут свои дела.

Василиса села и уставилась на ножку стола. Минуту сидела молча. Две. Затекала левая нога. Персик наблюдал из укрытия, а она дышала ровно и старалась не шевелиться. Потом медленно вытянула руку — ладонью вниз. Не чтобы схватить. Чтобы дать понюхать.

Персик выждал ещё немного. Затем неторопливо, будто делая огромное одолжение, вышел из-под шкафа, обнюхал её пальцы и коротко потёрся о них щекой.

— Видишь? — шепнула Ольга Дмитриевна. — Он хотел, чтобы с ним поговорили на его языке.

— А я его язык не знаю, — так же шёпотом ответила Василиса.

— Уже немножко знаешь. Медленно — значит «я не опасная». Ладонь вниз — «я не хватаю». Остальное он тебе сам расскажет, если не торопить.

Ещё через минуту Персик топтался у Василисы на коленях, устраиваясь поудобнее. Замурчал он громко, как маленький трактор. Василиса гладила рыжую спину и боялась дышать — уже не от страха.

— Держишь лучше половины моих стажёров, — заметила Ольга Дмитриевна тем же ровным голосом, каким объясняла про кошачий язык. — Знаешь, чем хороший ветеринар отличается от человека, который просто любит животных?

— Он больше знает?

— Он не обижается, когда пациент его не слушается. Он думает: «А чего этот зверь на самом деле хочет?» Ты сегодня так и подумала. Со второго раза, но подумала.

Василиса кивнула — осторожно, чтобы не потревожить Персика.

Домой она ехала молча, но совсем не так, как утром. На коленях остался рыжий волосок, и стряхивать его Василиса не стала. Она достала тетрадь с лапой, открыла чистую страницу и, пока машина стояла на светофоре, записала: «Сначала спросить у зверя. Потом брать на руки». Подумала и добавила: «Персик кусал даже Ольгу Дмитриевну».

Тайный аккордеон

Аккордеон появился в жизни Льва три года назад — старый, потёртый, пахнущий деревом и чем-то неуловимо дедовским. Дед когда-то играл на нём в деревенском клубе. Первое время инструмент стоял в углу комнаты в чёрном футляре, похожем на чемодан фокусника. Лев открыл его один раз, из чистого любопытства, — и пропал. Меха дышали, как живое существо. Кнопки приходилось нащупывать вслепую, словно секретный код. А потом из всего этого рождалась мелодия, и нога сама начинала притопывать. Никакая компьютерная игра так не цепляла.

Загвоздка была одна. В его классе аккордеон считался инструментом для бабушек на завалинке, а никак не для одиннадцатилетнего пацана. Гитара — это да, это уважают. Барабаны — вообще мощь. Даже пианино куда ни шло. Но аккордеон? Поэтому Лев занимался тайком. Плотно закрывал дверь, подкладывал под неё свёрнутое полотенце, чтобы звук не уходил в коридор, и играл вполсилы. В школе о его увлечении не знал никто. Даже лучший друг Федя.

— А ты чем после уроков занимаешься? — спросил как-то Федя по дороге домой, пиная перед собой пустую жестянку. — Вечно тебя зовёшь, а ты как в нору.

— Да так, ничем особенным, — сказал Лев и почувствовал себя предателем. Причём предавал он не Федю. Себя.

Всё перевернулось, когда учительница музыки Инна Павловна объявила концерт ко Дню учителя.

— Лев, ты же вроде на гитаре занимаешься? — Она заглянула в список кружков. — Сыграешь нам?

Тут пряталось старое враньё. На гитару Лев когда-то сходил два раза — чтобы одноклассники отстали с расспросами, куда это он ездит по средам. Соврать про гитару было проще, чем сказать правду. И вот теперь враньё пришло за ним само.

— Хорошо, сыграю, — выдавил он. Пол под ногами слегка качнулся.

Положение было ясное и безнадёжное. На гитаре Лев умел три кривоватых аккорда. На аккордеоне — добрый десяток мелодий наизусть, хоть с закрытыми глазами.

Следующие две недели превратились в пытку. Лев мучил гитару, до красных полосок на пальцах зажимая струны, и всё равно попадал мимо. Потом мрачно косился в угол. Чёрный футляр молчал, но как-то укоризненно. Однажды Лев выпросил у соседа электрогитару: решил, что уж на ней-то как-нибудь. Стало только хуже, и громче.

Вечером, устав от струн, он всё-таки расстегнул футляр. Пальцы сами нашли первую мелодию — ту, которую показал дед. Дед тогда сажал маленького Льва рядом, клал его ладошки поверх своих шершавых рук и говорил: «На кнопки не гляди, ушами слушай. Инструмент сам подскажет, куда идти». Полжизни дед играл в клубе и ни разу не спросил, круто это или нет. Ему было хорошо, и всё.

Лев доиграл, поставил аккордеон в угол и подумал: дед бы не понял, чего тут стыдиться.

— Ты чего который день кислый? — Старшая сестра Оля застала его назавтра за очередной попыткой взять аккорд. Струна взвизгнула, Оля поморщилась.

И Лев выложил всё. Про концерт. Про давнее враньё с гитарой. Про липкий страх, что стоит ему выйти с аккордеоном — и класс будет ржать до конца года, а то и до выпускного.

— Погоди, — сказала Оля. — А гитару ты вообще любишь?

— Не особо.

— А аккордеон?

— Аккордеон люблю. Только это... не круто.

Оля пожала плечами — буднично, словно речь шла о погоде.

— И с каких пор то, что тебе нравится, обязано быть крутым для кого-то, кроме тебя?

— С пятого «Б», — буркнул Лев.

— Пятому «Б» необязательно всё нравится. Аккордеон от этого хуже играть не станет.

Она ушла к себе, а слова остались — засели, как заноза. До концерта было три дня. Лев честно, из последних сил, попробовал выучить хоть одну гитарную песню целиком. Не вышло. Пальцы упрямо искали кнопки, которых на грифе не было.

Накануне концерта он задержался после уроков у кабинета музыки. Дверь была приоткрыта, Инна Павловна расставляла стулья. Сказать надо было всего одну фразу: «Я буду играть не на гитаре». Лев повторил её про себя три раза.

— Лев? — Инна Павловна обернулась. — Ты что-то хотел?

— Нет. То есть да. А во сколько завтра приходить?

— К двум. И гитару не забудь настроить.

— Не забуду, — сказал Лев и ушёл, злясь на себя так, что свело скулы.

Дома он долго стоял перед двумя футлярами — гитарным, новеньким, и чёрным дедовым чемоданом. Утром взял чёрный. Гитара осталась лежать на кровати.

В день концерта он стоял за кулисами. Футляр держал перед собой двумя руками, застёжками к животу, чтобы никто раньше времени не разглядел, что внутри. В зале гудели голоса,

пахло пыльным занавесом. Сердце стучало так, что гул почти не был слышен. Мимо прошла девочка со скрипкой, потом двое мальчишек со стихами. Им-то бояться было нечего.

— Следующий номер — Лев! — объявила Инна Павловна. — Гитара.

Он вышел. Взгляды всего класса легли на него разом, и на секунду Лев почти развернулся обратно. Ноги уже знали дорогу за кулисы. Но руки оказались быстрее: щёлкнули застёжки, и на свет показался аккордеон.

По залу пробежал гул. Не смех, которого Лев так боялся. Удивление. Кто-то привстал, чтобы разглядеть. Инна Павловна открыла рот, посмотрела в свой список и закрыла.

Лев накинул ремни, набрал воздуха и растянул меха. Заиграл дедову мелодию — озорную, с такими переливами, что усидеть спокойно было невозможно. На кнопки он не глядел. Слушал ушами.

На втором куплете палец соскочил, и вместо ноты аккордеон выдал сиплый вздох. В зале кто-то хихикнул. У Льва похолодела спина. Вот сейчас. Сейчас начнётся. Но меха сами потянулись дальше, мелодия подхватила его, как подхватывает велосипед, когда уже едешь, и следующую кнопку палец нашёл без ошибки. Дед, бывало, тоже промахивался — и только подмигивал залу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.